

«**В** ФИЛОСОФИИ НЕТ “КОРОЛЕВСКОГО ПУТИ” ...». ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ*

Пружинин Борис Исаевич –
доктор философских наук,
главный научный сотрудник.
Институт философии РАН.
Российская Федерация,
109240, г. Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: prubor@mail.ru

**Щедрина Татьяна
Геннадьевна** – доктор
философских наук,
профессор.
Московский педагогический
государственный университет.
Российская Федерация,
119435, г. Москва,
ул. Малая Пироговская, д. 1;
e-mail: tannirra@mail.ru

“**T**HERE IS NO ROYAL WAY IN PHILOSOPHY...”. HISTORICAL REPLY TO CRITICS

Boris I. Pruzhinin – DSc
in Philosophy, Chief Research
Fellow.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St., Moscow
109240, Russian Federation;
e-mail: prubor@mail.ru

Tatiana G. Shchedrina – DSc
in Philosophy, Professor.
Moscow State Pedagogical
University.
1 Malaya Pirogovskaya St.,
Moscow 119435,
Russian Federation;
e-mail: tannirra@mail.ru

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798). The research was carried out with financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project “New tendencies of the humanities and social sciences development in the context of digitalization and new social problems and threats: interdisciplinary approach”, Agreement № 075-15-2020-798)

Вынесенная в заголовок фраза принадлежит Густаву Шпету, который, размышляя о достоинствах феноменологии Эдмунда Гуссерля, перефразировал его выражение [Husserl, 1976, S. 223]: «Феноменология – не откровение, в ней нет истин “навек данных”, многое может быть исправлено, иное и вовсе отвергнуто (как справедливо отвечает Канту Гуссерль, в философии нет “королевского пути”), но ее заслуги должны быть оцениваемы, прежде всего, по тому, как она приходит к своим результатам, и если путь ее – надежный путь, то и ее место в развитии положительной философии определяется твердо» [Шпет, 2005, 43]. Мы продолжим культурно-историческую традицию, ведь в рассуждениях Шпета содержится, по сути, и наш ответ критикам. Культурно-историческая эпистемология «не откровение», в ней «нет истин “навек данных”». Поэтому мы удивлены тем, что путь, по которому мы идем, жестко оценивается как «ошибочный». Как будто кто-то в нашем мире познания движется по «королевскому пути». Каждый ищет свой путь мысли. И если Наталья Ивановна Кузнецова видит будущее научного познания в его релятивизации, то это не значит, что путь ее мысли «королевский».

Нам бы не хотелось погружать обсуждение направлений развития эпистемологии в контекст убеждений, субъективных оценок и приверженностей. Мы не видим в такого рода обсуждениях перспектив для философии науки. Что же касается содержательных замечаний, то согласимся – конструктивная разработка философской проблематики возможна только с учетом конкретной реальности, что мы и пытались показать вместе с Ириной Олеговной Щедриной, Валерием Владимировичем Савчуком, Константином Алексеевичем Очеретяным и Натальей Евгеньевной Харламенковой. Но, под черкнем, философия не может терять свою фундаментальную ориентированность на поиск смыслов бытия (в самых различных его сферах) и не должна сводиться к описанию этих сфер. Описание, в частности – функция позитивной науки. Поэтому замена философии науки «дескриптивной философией» может, конечно, трансформировать философию в позитивную науку, в данном случае в науковедение или историю науки. И мы не имеем ничего против этих научных направлений, более того, мы так или иначе соотносимся с ними в рассуждениях. Но наши представления о философии, в данном случае философии науки, не укладываются в схему осмысления науки, которую предлагает Наталья Ивановна. Тем более, что в качестве вершины этой схемы оказывается остроумный, но не очень глубокий мыслитель, определявший статус философии науки как идеологии, в которой «все дозволено».

Полное отсутствие стандартов в науке означает ее превращение во что угодно. И тогда наука прячется в прикладные сферы или становится идеологией. Это превращает ее либо в нечто сугубо прикладное (совершенствование техники, которое шло веками и без всякой

науки), либо в идеологию. Может быть, так и случится, но не считать это кризисом философских оснований науки, наверное, нельзя.

Культурно-историческая эпистемология не занимается разработкой жестких стандартов научного познания и не формулирует методологические нормы для науки как таковой. Она осмысливает культурно-исторические традиции науки в ее конкретных исследованиях. Вот почему в сферу наших рассуждений попадает проблема воспроизводимости психологического знания, как это показывает Н.Е. Харламенкова, и проблема научного творчества в мире медиа, о которой размышляют В.В. Савчук и К.А. Очеретяный. В русле культурно-исторической эпистемологии выполнено и исследование И.О. Щедриной, обратившейся к автобиографическому нарративу физиолога А.А. Ухтомского. И очевидно, что заслуги культурно-исторической эпистемологии, повторим слова Г.Г. Шпета, «должны быть оцениваемы, прежде всего, по тому, как она приходит к своим результатам, и если путь ее – надежный путь, то и ее место в развитии положительной философии определяется твердо» [Шпет, 2005, 43]. В этом плане размышления Владимира Натановича Поруса весьма продуктивны. Они помогут нам в дальнейшем движении. Он включился в обсуждение содержательных проблем культурно-исторической эпистемологии, и мы благодарны ему за сделанные конкретные замечания, которые во многом совпадают с векторами разработки изложенной нами концепции. Ведь и сам Владимир Натанович идет по пути культурно-исторической эпистемологии, и его статьи и переводы (в том числе Л. Флека [Порус, 1999]) во многом натолкнули нас на развитие такого понятия, как «эпистемологический стиль» [Пружинин, 2011; Пружинин, Щедрина (ред.), 2013]. И лишь краткость нашей статьи и текстов И.О. Щедриной, В.В. Савчука и К.А. Очеретяного, Н.Е. Харламенковой не позволяет сделать нашу дискуссию более конструктивной.

Один из важных пунктов методологической программы культурно-исторической эпистемологии – это тезис о том, что знание может приобретаться человеком (индивидом) самыми разными способами и в самых разных ситуациях, поле для методологии появляется там и тогда, когда индивид пытается выразить приобретенное знание для других и это знание попадает в пространство общения. Именно в этом пространстве может возникнуть также и наука – вид коллективной деятельности с ее специфическими целями и вполне определенными социокультурными контурами. Конечно, вполне допустимо рассуждать и о науке эпохи неолита, отыскивая там элементы коллективного познания, но тогда наука лишается конкретных исторических и культурных контуров. И в этом случае вполне уместен принцип «все дозволено». Воплотиться все это может только в общий разговор о смысле истории познания и, в конечном счете, в историософию науки. К реальности современной науки все это будет иметь отношение весьма отдаленное. А если кратко, то наш ответ

сводится к тому, что «дискриптивизм» в философии может пониматься очень по-разному. И для обсуждения мы предложили вполне конкретный аспект философии науки.

Мы благодарны редакции журнала «Эпистемология и философия науки» за предоставленную возможность обсудить проблемы и перспективы культурно-исторической эпистемологии.

Список литературы

Порус 1999 – Порус В.Н. На пути к сравнительной эпистемологии // Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Пер. с англ., нем., польского яз. В.Н. Поруса. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 7–17.

Пружинин 2011 – Пружинин Б.И. «Стиль научного мышления» в отечественной философии науки // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 64–74.

Пружинин, Щедрина (ред.), 2013 – Эпистемологический стиль в русской интеллектуальной культуре XIX–XX веков: От личности к традиции / Под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 447 с.

Шпет 2005 – Шпет Г.Г. Мысль и слово. Избранные труды / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005.

References

Husserl, E. “Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie”, in: Husserliana. Bd. III/1. Text der 1–3. Aufl. / Neu hrsg. v. K. Schuhmann. Den Haag: Nijhoff, 1976.

Porus, V.N. “Na puti k sravnitel’noi epistemologii” [Towards Comparative Epistemology], in: Fleck L. *Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta. Vvedenie v teoriyu stilya myshleniya i myslitel’nogo kollektiva* [Entstehung und Entwicklung einer Wissenschaftlichen Tatsache], trans. by V.N. Porus. Moscow: Ideya-Press; Dom intellektual’noi knigi, 1999. pp. 7–17. (In Russian)

Pruzhinin, B.I. “Stil’ nauchnogo myshleniya v otechestvennoi filosofii nauki” [The Style of Scientific Thinking in the Russian Philosophy of Science], *Voprosy filosofii*, 2011, no. 6, pp. 64–74. (In Russian)

Pruzhinin, B.I., Shchedrina, T.G. (eds.) *Epistemologicheskii stil’ v russkoi intellektual’noi kul’ture XIX–XX vekov: Ot lichnosti k traditsii* [Epistemological Style in Russian Intellectual Culture of the 19th – 20th Centuries: From Personality to Tradition]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2013. (In Russian)

Shpet, G.G. *Mysl’ i slovo. Izbrannye trudy* [Thought and Word. Selected Works]. Moscow: Rossiiskaya Politicheskaya Encyklopedia (ROSSPEN), 2005, 710 pp. (In Russian)